

ВЕЧЕР У ДИАНЫ

Мягкий поворот ручки и из узкой щели раскрываемой двери в луче яркого света скользнуло и махнув пушистым хвостом растворился во мраке улицы рыжий кот...Из дома раздавался гомон людских голосов, нарушивший, очевидно, тихую жизнь домашнего любимца.

Одаренный сложившийся писатель, кандидат наук Диана Виньковецкая и ее супруг-математик, философ, блистательный эссеист, профессор Гарварда Леонид Перловский, поздним осенним вечером встречали друзей - ученых, литераторов, художников, журналистов. Предвосхищая выход в свет очередной своей книги, Диана устраивает читку вслух, сверяя своё ощущение от написанного с впечатлением друзей. Не случайно двери этого гостеприимного дома в разные годы не раз открывались перед режиссером И. Диментом, переводчиком Г. Шмаковым, И. Бродским, С. Довлатовым и....

Диана родилась в Кронштадте в канун войны. Хотела стать актрисой. Но судьба распорядилась по-иному. Вместо театрального, поступила на Географический факультет Ленинградского университета. В 1961 году на преддипломной практике в Казахстане встретила с геологом и художником Яковом Виньковецким. Влюбилась. «После долгих и упорных сражений» они поженились: - Это было, - как она призналась в послесловии в своей первой книге «Илюшины разговоры» (1981 г.),- и есть мое самое главное достижение - иначе бы не было ни Илюши, ни Данилки.» В 1975 г. с Яковом Виньковецким и детьми они эмигрировали в Америку. В 1984 году в семье случилась трагедия - Яков добровольно ушел из жизни.

Диана вновь вышла замуж. Выросли и возмужали дети. Они удачливы в выборе умных и серьезных занятий.

Диана и Леонид с трепетной нежностью, хранят память о Якове Виньковецком - блистательном мастере эпохи советского андеграунда. Его изумительные абстрактные картины, подобно весенней радуге, «освещают» многоцветьем красок домашний музыкально-литературный салон. Именно там Диана трепетно читала, принятую к публикации в питерском журнале «Звезда», новую книгу «Единство времени», посвятив ее Якову, Иосифу Бродскому, близким по духу современникам и непростому времени, в котором они жили, творили, спорили и дружили....

Первые строки книги переносят нас в Санкт-Петербург: «В музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме, под щитом с двумя золотыми львами и под девизом «Бог сохранит все», по случаю юбилея И.Бродского в начале столетия <...>открылся показ рабочего кабинета из колледжа Маунт Холиоук.

...А этажом выше выставка-отображение реальности с помощью фотографических портретов - круга знакомых и друзей Иосифа шестидесятых годов, выполненных фотографом Б. Шварцманом (Б. Ш. был в числе гостей. Прим. В. Шаца). Через бывший Шереметьевский сад входишь в зал и попадаешь в окружение лиц. Глядишь и начинаешь вспоминать, заглядывать в лицо и узнавать. Где-то посредине зала, еще рассматривая портреты, со мной произошло то, что описывает Марсель Пруст в «Поисках утраченного времени». Как запах домашнего печенья внезапно вызывает у героя воспоминания о событиях прошлого, так и у меня этот портретный калейдоскоп вдруг вызвал лавину ассоциаций <...> И эти незабываемые моменты вдруг зашевелились, ожили, заговорили, воскресили и унесли меня в воспоминания. Хочу сказать «спасибо» судьбе, что встретила таких людей, как Яков и Иосиф и «поклониться их теням»

Якова Виньковецкого и Иосифа Бродского сближал внутренний космос души, мрачное мироощущение, высокая духовность и чувство оторванности от толпы. Один стал широко известен, другой гораздо меньше,...но для меня они были духовными вдохновителями, людьми с «открытыми окнами», которые мне помогли открыть мои <...>Всем складом моей духовной жизни

Любовь, вспыхнувшая под покровом бездонного степного неба, подобна всепоглощающему, сжигающему все на своем пути огню. О внезапно возникшем, доселе неведомом состоянии души Диана пишет тончайшей, почти невидимой словесной нитью. Она без стеснения обнажает чувства, раскрывая перед будущими читателями самое сокровенное. Выдержать и пронести через всю жизнь испытание первой любовью способны люди, для которых слово из шести букв русского алфавита, не пустой звук самовнушения в моменты мимолетного влечения, а смысл существования.

- В казахстанской степи был расцвет лета. В водах Кызыл-Тау все цело и пело. В этот день я услышала стихи. В степных горах я впервые на студенческой практике. В геологическом маршруте иду чуть позади Якова Виньковецкого, старшего геолога, художника-абстракциониста, которого несколько побаиваюсь и соблюдаю природно-подчиненную дистанцию. У нас нет никаких отношений. Хотя позвонком знаю какую-то предсудьбу, чувствую что-то тревожное, не случайное во всем происходящем. Смотрю... Тут нет ни какой цивилизации, ни зимовок, ни юрт, ни троп. Первозданность. Природа до нас. Откуда-то издалека доносится звук воды. Степи хорошо прячут свои оазисы. Около источника присаживаемся. - Давайте я прочитаю Вам стихи Иосифа Бродского, - вдруг говорит Виньковецкий. И уловив ответ, только мелькнувший в моей голове, а скорее всего и не думая его дожидаться начинает читать: «Плывет в тоске необъяснимой...» Море звуков приходит в движение. Каждая вещь начинает двигаться: саксаул, кустарник, камни. кружение: «Плывет в глазах холодный вечер». И в тоске объяснимой и необъяснимой поплыли слова: «желаю страсти». Пение птиц и звук стихов сливаются. Все видимое углубляется в слышимое и воплощается в ритме. Как будто во сне, под волшебным влиянием, все одушевляется. Колдовство. Я испытываю завораживающее действие от магии ритма, почти ничего не понимая в содержании. Я не слежу за словами, а слушаю сама не зная что. Полноту своего существования. Ввысь унеслось мое дыхание. И самый короткий миг и самый краткий атом моей жизни я ощущаю прилив счастья. Яков читает стихи ритмично и размеренно, как молитву, как песнопение, без актерского придыхания. <...> Кажется, что вся предыдущая жизнь была лишь подготовкой к этому моменту. Все, яркая мистическая внешность Якова, ритм стихов, простор степи, загадочность, голос судьбы действуют на меня магнетически. Танец слов превращается в любовь. Я поднимаюсь на высшие ступени чувств, к высшему желанию. Я приобретаю самую дорогую драгоценность, которую пронесу до самой смерти Якова.....»

На столике перед Дианой, медленно росла стопка прочитанных ею листов и когда в ее руках оставалась последняя страница, и она, сквозь призму времени, пишет, обращаясь к Якову и Иосифу: «Мне далеко до вашего интеллектуального уровня. Но во мне есть одна ценность, что я знала вас и для меня это одушевляющее дыхание. Я нескромно надеюсь...»

Тут Диана меняет тему повествования и не отрывая взгляда от текста признается, что в ее доме давно поселился не совсем обычный автор: «Рядом с моим компьютером всегда лежит мой рыжий кот Ося-Осип Дианович Гонкур. Я давно за ним замечаю, что он одной лапой что-то пописывает и складывает в свою корзину. Сегодня кот куда-то удалился, и я решила одним глазом заглянуть в его листки. Смотрю. В корзине целая книга с названием «В тени человека» с подзаголовком «Записки о поведении двуногих». Открываю еще не подшитый, лежащий сверху листочек, исписанный ровным кошачьим почерком: «Моя хозяйка думает, что она уже не общественное животное. Для нее оскорбительно звучит, что когда кто-то относит человека к животным. Стадо... Стадные инстинкты. А ведь это должно быть ей комплиментом - присоединению к сверхчеловеческому роду. Существует гипотеза, что человек произошел от животных. Мне же думается, что животные произошли от человека. Двуногие, многообразные, лживые и провинциальные животные, опасные для других зверей и для себя своей хитростью и рассудком. Они думают, что у них есть совесть. А они мелкие завистники, хвастунишки, отвратительно невоздержанные и не благодарные. Мы коты, благородные, возвышенные, с чистой совестью <...>. Моя

хозяйка тоже присоединилась к этому, всеобщему человеческому нытью и завистливости <...> Вот на днях приходил один художник или поэт. Не знаю кто? Без глаза. Слава другого выколола ему глаз. И что с ними творится, если кто из них приближается к нашему космически кошачьему уровню. Как они бесятся. Конечно, нравы в нашем кошачестве тоже портятся и бывают припадки поглупения и мелкие затмения духа. Атавизмы. Но до человеческих падений ни один кот не может опуститься.<...> Где-то я вычитал, что их знаменитый поэт иногда чувствует себя котом. Даже мяукал. И минутами был абсолютно животной счастлив. Думаю, что он исключение из их человеческого рода и приближается к нашей кошачьей космической сущности, <...> Только я перевернула страничку, чтобы читать дальше, как появился Ося. Я быстро закрыла и спрятала лист в толстый фолиант с мышинной суперобложкой в его корзину. Успела только заметить, что все мышки на суперобложке были одеты по-человечески. Кот прищурил глаза и сказал: «МЯУ!»

Потом, за дружеским застольем, ДИАНА сказала, что Осип Дианович вошел во вкус писательского труда. Пишет теперь только двуногих. В этом жанре он чувствует себя более свободно. Кот на Брайтоне, кот в Нью-Йорке, смеется с юмором над людьми.

ВЕНИАМИН ШАЦ

Журнал «Контакт», Бостон, 2008